

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Ревизия университетского Устава 1804 г.

В статье рассматривается процесс постепенного отступления руководства Российской империи от передовых принципов, на которых базировался Устав 1804 г.

Ключевые слова: самодержавие, Император, Министр народного просвещения, Министерство духовных дел и народного просвещения, Главное правление училищ, контрреформы, университет, устав, попечитель, ректор, декан, адъюнкт, студент, совет, мистицизм, обскурантизм.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Revision of the University Charter in 1804

In the article the process of gradual departure of the Russian Empire Government from the advanced principles on which the Charter of 1804 was based is considered.

Keywords: autocracy, the Emperor, the Minister of Public Education, the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education, the Main School Board, counterreforms, University, a charter, a trustee, a rector, a dean, a graduate in a military academy, a student, a council, mysticism, obscurantism.

Новый этап в истории российских университетов начинается с приходом к власти императора Николая I (1825–1855). В годы его царствования в жизни университетов произошли изменения, которые в специальной литературе однозначно оцениваются как отступление от передовых принципов, как шаг назад в сторону реакции при осуществлении образовательной политики в России [1]. Вместе с тем, надо признать, что эти негативные изменения были осуществлены не внезапно и не одновременно: практически весь тридцатилетний период в истории университетов, растянувшийся от времени принятия первого «общего» устава и до разработки нового Устава 1835 г., был ознаменован наступлением самодержавия на права университетской корпорации преподавателей и студентов.

Начало политики контрреформ в сфере просвещения наметилось еще в правление Александра I. «Нравственные потрясения, перенесенные им в великой борьбе с Наполеоном, и личное знакомство с корифеями западно-европейского мистицизма определили перемену его идеалов. Он поколебался в идеях своей юности» [2], и его политический курс, в котором еще какое-то время после создания Священного союза [3] (1815 г.) уживались реакционные настроения с преданностью ценностям эпохи Просвещения, либеральными взглядами, верой в преимущества конституционного устройства госу-

дарств, в 1818–1820 гг. приобрел черты «самой мрачной реакции» [4]. «Весь прежний знакомый нам либерализм его, – замечает историк XIX в., – воспитание в духе гуманных идей XVIII века и впечатлений от событий и людей, окружавших его молодость, улечиваются в неопределенный пие-тизм и туманную мистику, которые весьма близко граничат с реакционными тенденциями, и эти последние делаются теперь целью Александра: ими думал он установить на земле лучший порядок, более сообразный с волей божественной... он смотрел на себя, как на избранника провидения для общего великого восстановления упавших и подорванных начал» [5].

В угоду религиозным переживаниям императора и его политическим амбициям преобразались взгляды и поведение политической элиты Российской империи, о чем сообщает академик С. Ф. Платонов: «Религиозный экстаз государя содействовал успехам в русском обществе искреннего и лицемерного мистицизма, истинного благочестия и показного ханжества... В соединении с господством Аракчеева все эти меры производили на общество впечатление самой решительной реакции...» [6]

Тягостные ощущения от «грустной аномалии» [7] в политике Александра I усугублялись тем, что под влиянием его ближайшего соратника по Священному союзу, фактической главы австрийского

правительства К. Меттерниха, который «пугал государей Европы призраками революций», сам российский венценосец «заболел» революционной фобией. «В его воображении носился призрак какого-то всеобщего заговора, захватившего и Европу и Россию» [8], поэтому начавшиеся в Испании, Италии, Португалии и других европейских государствах буржуазные революции, а также восстание привилегированного Семеновского полка, наиболее близкого ко двору, только подтвердили его опасения. Мучимый тревогами, сомнениями, подозрительностью и недоверием к окружающим, Александр I все больше проникался убеждением в опасность народного просвещения, с которым у него неразрывно стала ассоциироваться угроза бунтов и революционных потрясений. А университеты, причем не только германские, но и свои, российские, долгое время являвшиеся их «сколком», уже представлялись ему не средоточием высоких наук, умственной свободы, образцов добродетельного поведения, а рассадником ложных и пагубных знаний, безнравственности, антирелигиозности и революционного движения. Борьба с вольномыслием – большей частью не действительным, а воображаемым – стала формировать его умонастроение в последние годы царствования, и к «великому несчастью русского общества» получила перевес в правительственной системе, «теснящей всякую мысль и всякое даже самое слабое проявление свободы. Настало время душной реакции и самого злого, невежественного обскурантизма» [9].

В области просвещения, раньше других сфер общественной жизни оказавшейся в фокусе преобразований Александра I, наметились серьезные перемены, которые должны были исправить навязанные либеральной идеологией «ошибки», допущенные императором в первом десятилетии его правления.

Уже в 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения [10], которое, в оценке Н. М. Карамзина, за глаза называлось «министерством затемнения» [11]. Фаворит императора князь А. Н. Голицын, обер-прокурор Священного Синода, председатель Российского библейского общества, поставленный Александром I во главе нового министерства, считал борьбу с либерализмом и религиозным вольнодумством – «пороками» наступившего XIX в. – своей главной задачей. Стремясь достичь «спасительного согласия... между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским» [12], А. Н. Голицын приступил к реформированию всей сис-

темы образования, требуя отказа от свободы научных исследований, научной критики религиозного знания ради укрепления религиозной нравственности – «основания истинного просвещения» и достижения «спасительного согласия между верою... и властью» [13]. Для него, как и для других представителей новых идеалов и воззрений на народное образование, решительно осуждавших систему просвещения, созданную реформаторами начала XIX в., источником политических потрясений и религиозного вольнодумства были последствия века Просвещения, породившего либеральные настроения и подготовившего сознание молодежи к религиозно-нравственной смуте [14]. Школа отныне должна была стать орудием политики, ареной борьбы с просветительством и неповиновением властям [15].

«Благочестие, просвещение умов и существование гражданское», или иначе «вера, ведение и власть», неразрывно сплетенные еще в Акте о создании Священного союза, превратились в такой же расхожий лозунг осуществления политики Министерства духовных дел и народного просвещения, какой в последующие годы приобрела триединая формула С. С. Уварова: православие, самодержавие, народность. Главное правление училищ – руководящий орган Министерства – старалось распространить новую систему взглядов по всему государству, на всех ступенях образования, начав главным образом с университетов, более других учебных заведений «испорченных» доверием к просветительским идеям XVIII в., а следовательно, и сильнее прочих нуждавшихся в водворении начал веры и монархизма. Именно в университетах начала внедряться новая концепция образования, фундаментом которой явились широко трактуемые благочестие и религиозность, а способом проведения образовательной реформы в жизнь стал «благоготовный союз» науки и религии.

Наибольшим влиянием в Главном правлении училищ пользовались М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич, А. С. Стурдза, ставшие рупором реакционных настроений, распространявшихся в общественно-политической жизни, и стяжавшие славу гонителей просвещения, мракобесов. Поскольку прежде «свободное развитие ума было заподозрено» в отсутствии истинной веры, которая отныне была призвана обновить мир, а мистическая основа Священного союза возвела Христа в абсолютный источник «всякой науки и всякой мудрости», Министерство духовных дел и народного просвещения стало требовать от университетов, являвшихся стержнями всей образовательной системы России,

сосредоточения учебного процесса на проблемах воспитания. Воспитание должно было «твердо стоять на основах веры и монархических началах, чтобы разум подчинился откровению, чтобы единичная воля безмолвствовала перед авторитетом власти, и вера стояла выше знания» [16]. Под знаменем религии и при беспрестанном упоминании о ней из процесса преподавания начали удалять «все вредные доктрины», осуждать «ложные и пагубные начала» новейшей философии. Прежде свободные и независимые науки были заклеены стать порождениями «лжеименного разума», что дало толчок для их жестокого преследования заискивающими перед начальством попечителями университетов и их помощниками.

Под влиянием политических требований и многочисленных запретов, обрушившихся на университет, уровень научности изучавшихся дисциплин начал быстро снижаться. Профессора были вынуждены, к примеру, руководствоваться Священным писанием, рассуждая о возрасте Вселенной, или доказывать превосходство «установленного самим Богом» монархического образа правления над республиканским, губительным для дальнейшего существования цивилизации, и приводить для доказательства этой мысли примеры из истории [17].

В печально известном Казанском университете, подвергшемся подлинному разгрому в годы его ревизии и попечительства М. Л. Магницкого (1819–1826), документально зафиксированы образцы изложения некоторых тем по точным и естественно-научным дисциплинам, к примеру: «Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, чрез ходатая Бога и человек, соединившего горнее с дольным, небесное с земным», или «Цель анатомии находить в строении человеческого тела премудрость Творца, создавшего человека по образу и подобию Своему» [18]. Торжественное красноречие, свойственное далекой Римской империи, неожиданно нашло своих подражателей в лице профессоров Казанского университета, один из которых, например, блестяще демонстрировал рецепции декламационного стиля: «Да будет началом моего слова всеблагий Бог и да будет началом моего слова могущественный Александр, наполненный толликими доблестями, сколько оных целая Вселенная вмещать в себе когда-либо может; да примет начало слово мое от соизволения знаменитейшего нашего попечителя, который с чрезвычайным тщанием трудится для возвышения наук, и, соображая все

свои деяния с божественными заповедями, подает нам примеры, достойнейшие подражания» [19].

Подобные темы и речи были составлены в точном соответствии с «Инструкциями» М. Л. Магницкого, которые, кроме введения организационных изменений в уставе Казанского университета, производившихся в соответствии с принципами «благочестия и верноподданности», содержали еще и программы всех циклов наук, преподававшихся в этом учебном заведении. Они превращались, как это было уже в эпоху Средневековья, в служанок богословия, оказавшегося в центре учебной деятельности профессоров и студентов. Избавив студентов от «греха» постижения современной истории и философии, политической экономии и естественного права, «Инструкция» сфокусировала учебный процесс на мерах воспитания «верных сынов православной церкви, верных подданных государю, добрых и полезных граждан отечеству» [20].

«Душой воспитания» и «первой добродетелью гражданина», которую нужно было вынести студенту из стен университета, называлась покорность. Ее следовало взрастить в себе на уроках религии, проникнутых любовью «к святому евангельскому учению» (отдел III, § 2, 3), а также взлелеять в процессе постижения научных дисциплин, освобожденных от «смешения идей», подчиненных овладению «премудрости Божией» и связанных «единым духом... всеобщности непротиворечащих познаний» [21].

Директору Казанского университета, должность которого учреждалась вопреки «общему» университетскому Уставу 1804 г., поручалось, помимо выполнения полицейских и хозяйственных функций, следить, чтобы «дух вольнодумства ни открыто, ни скрыто не мог ослабить учения церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы» (отдел III, § 3.а). Ему также вменялось в обязанность собирать сведения о «духе университетских преподавателей», присутствовать на их лекциях, изучать записи в лекционных тетрадях студентов, бдительно относиться к цензуре, «чтобы не прошло что-нибудь вредное» (там же).

«Честные и богобоязненные надзиратели», подчинявшиеся директору, должны были «непрестанно» следить за поведением студентов в учебное и свободное от занятий время, а для сбора полной информации об их поведении наладить «собщение с полицией» (отдел III, § 4).

Казанский университет, превращенный из научного в исправительно-воспитательное заведение, стал напоминать средневековый католический мо-

настырь: студенты ежедневно отправляли молитвы, в воскресные и праздничные дни присутствовали на литургиях (отдел III, § 3. в); их приучали к делам милосердия (§ 3. г) и ставили их будущую карьеру в зависимость от наличия христианских добродетелей (§ 3. д). Одной из воспитательных мер, использовавшихся по отношению к провинившимся студентам, которых называли грешниками, были увещания духовника и запугивание их Страшным судом [22]. Распятая и картины Страшного суда оформляли интерьер «комнаты уединения» – исправительного по своему назначению помещения с решетками на окнах. За особо тяжкие проступки, выявленные надзирателями или обладавшими фарисейской благонадежностью студентами, «грешников» отдавали в солдаты [23]. Оказавшиеся на полуказарменных условиях студенты были лишены даже права пользоваться университетской библиотекой – видимо, собранная там литература могла помешать «выпрямлять их умы» [24] в духе ханжеского святошества.

«Инструкции» М. Л. Магницкого полностью подменили собой «общий» университетский устав. Об автономии Казанского университета, самоуправлении университетской корпорации, свободе преподавательской деятельности и научных исследований уже не могло быть и речи. Здесь господствовал произвол М. Л. Магницкого, получившего лично от императора и Главного правления училищ санкции на неограниченную, по сути, деспотическую власть: попечитель стал полновластным хозяином университета, самовольно изменившим статус этого учебного заведения, нарушившим его научные и учебные контакты с внешним миром, установившим отношения господства и подчинения с преподавателями и студентами, взявшим под свою опеку науку и способы ее изучения. Помимо всего прочего, М. Л. Магницкий обладал правом совершенствовать свои «Инструкции», то есть усиливать действие выгодных ему статей.

Главное правление училищ не вмешивалось в его методы управления Казанским университетом и изъявляло готовность распространить «Инструкции» М. Л. Магницкого на другие университеты России.

Над Харьковским университетом также постоянно висела угроза коренных преобразований, нивелирующих положения Устава 1804 г. Только в первое десятилетие XIX в. в Харьковском университете действовала «автономная корпорация» профессоров, выбиравших своего ректора и деканов; они заведовали хозяйственными делами в правлении, а на совете обсуждали вопросы, связанные с

организацией учебного процесса. Университет имел собственный суд, что делало его независимым от полицейского произвола. Попечитель университета жил в С.-Петербурге, и это гарантировало его невмешательство в дела «университетской республики». В Харьковском университете работало немало профессоров из Германии, которые гордились тем, что «привезли в дикие русские степи академическую атмосферу своей родины» [25].

Однако прошло совсем немного времени для того, чтобы профессора Харьковского университета смогли осознать иллюзорность свобод, провозглашенных «общим» университетским уставом. При первой же попытке совета настоять на одном из своих постановлений, незаконно отмененных попечителем, профессоров, подписавших протест, вызвали в Харьковское губернское правление, где они получили строгий выговор, сопровождавшийся угрозами увольнения при повторении подобной ситуации. Выборы, произведенные советом, бесцеремонно аннулировались попечителем, который взял в свои руки еще и функцию возведения преподавателей в ученые степени [26].

Политика Министерства князя А. Н. Голицына отозвалась продолжением наступления реакции на Харьковский университет, попечителями которого стали З. Я. и Е. В. Карнеевы [27]. Им удалось уволить несколько лучших профессоров, заподозренных в преследуемом правительством свободомыслии, внедрить на кафедрах и во взаимоотношениях со студентами пиетизм. Но поскольку в Харькове не было «такой гнетущей личности», как М. Л. Магницкий, «исправление» университетских порядков не приняло здесь таких разрушительных масштабов, как в Казани.

Самый молодой университет эпохи Александра I, Санкт-Петербургский, едва успев возникнуть, тут же оказался в опале. В 1821 г. его попечителем стал поклонник и подражатель М. Л. Магницкого, религиозный фанатик и карьерист Д. П. Рунич. Приступив к управлению Петербургским учебным округом, он начал претворять в жизнь «Инструкции» М. Л. Магницкого. В С.-Петербургском университете появился директор, не предусмотренный, как мы уже отмечали, университетским уставом, началось инспектирование учебной деятельности профессоров и проверка содержания текстов лекций. Выявив, что ряд преподавателей обучает студентов «в противном христианству духе» и распространяет идеи, разрушительные для государственного порядка, Д. П. Рунич возбудил против них судебный процесс. Перед судом, длившимся до 1827 г., предстали четверо пре-

подавателей, заподозренных в пропаганде вольнодумства и либеральных учений: К. Ф. Герман – профессор статистики, его адъюнкт К. И. Арсеньев, профессор всеобщей истории Э. В. Раупах и экстраординарный профессор А. И. Галич. Трех из них (за исключением раскаявшегося в ошибках и заблуждениях А. И. Галича) Главное правление училищ удалило из университета, признав их преподавание возмутительным, вредным и опасным для христианства и государственного благосостояния, запретило работать в учебных заведениях, подведомственных Министерству духовных дел и народного просвещения, изъяло их труды из вузовских и публичных библиотек [28].

В период преследования правительством Александра I науки, мысли, слова не подвергся коренной перестройке лишь самый старый, наиболее популярный среди молодежи университет России – Московский. Попечитель Московского учебного округа князь А. П. Оболенский, используя свое влияние при дворе, сумел оградить Московский университет от грозившей ему опасности наступления воинствующего невежества. Однако полностью оказаться в стороне от «охранительных неистовств» он не смог. Здесь так же, вслед за Харьковским, Дерптским, Петербургским университетами, было запрещено преподавание философских и общественно-политических наук, изъяты произведения просветителей, изгнаны профессора с прогрессивными взглядами. В 1819 г. в Московском университете была учреждена кафедра «богопознания и христианского учения». Посещение лекций по богословию сделалось обязательным для студентов всех факультетов [29].

В Московском «храме наук», как и в других российских университетах, была значительно усилена цензура, запрещено издание книг, хотя бы в какой-то степени расхопившихся с официально-монархической и религиозной идеологией. Был ужесточен надзор за содержанием лекционных курсов. Рассмотрение и утверждение конспектов лекций возлагалось на попечителя университета [30].

Обскурантизм царствования Александра I не обошел стороной и студентов. Весной 1811 г. был обнародован указ об отсылке казеннокоштных студентов в наказание за «развратное поведение» на военную службу [31]. Выражение «развратное поведение», толковавшееся весьма широко, подразумевало проявление любого недовольства со стороны студентов. В ноябре 1811 г. в Министерстве народного просвещения появилось новое постановление, теперь направленное на устранение из кон-

тингента учащихся выходцев из податных сословий. Студенты, принадлежавшие к разряду «податных сословий», переводились в разряд «вольнослушателей», лишаясь своих прежних прав [32]. Так был нанесен удар по всеобщности российских университетов, прежде сближавших их по наличию этого критерия с европейскими аналогами.

В 1820 г. была введена плата за обучение, закрывавшая двери в университеты для малообеспеченных слоев общества, что привело к сокращению численности студентов.

Также принимались считавшиеся чрезмерными и вредными при составлении Устава 1804 г. меры к установлению строгой дисциплины и постоянному надзору за поведением студентов.

Таким образом, принимая во внимание всю приведенную нами информацию, мы вправе утверждать, что полоса контрреформ по отношению к российским университетам началась задолго до восшествия на престол Николая I [33]. Ему лишь удалось довести начатое Александром I наступление на права «университетской республики» и свободной корпорации профессоров и студентов до логического завершения. Не случайно публицист XIX в. Н. Сперанский отмечал по этому поводу, что «либерализм Устава 1804 г. остался на бумаге и не служил помехой грубейшему административному самоуправству... Рунича с Магницким. При Александре I реакция сразу затопала своими тяжелыми ногами еще не успевшие сколько-нибудь развиться университеты» [34].

Примечания

1. См., к примеру: Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. – С. 76–78; История Московского университета: в 2 т. – Т. 1 / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М., 1955. – С. 115; Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. – 2-е изд. – Томск, 1998. – С. 103.

2. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902. – С. 106.

3. Священный союз, созданный после падения империи Наполеона I императорами России и Австрии, а также королем Пруссии, был началом наступления реакции в Европе и России, «орудием для подавления их свободного развития», «инквизицией, преследующей... болезненное волнение умов». Акт о создании Священного союза был составлен «арбитром Европы» – Александром I. В соответствии с новым душевным настроением императора Акт имел религиозно-мистический характер, отразивший «христианское смирение» российского са-

модержца. Вся слава победы над Наполеоном, а также предшествовавшей его возвышению Великой французской революцией приписывалась торжеству единого Бога. Сам Христос становился главой христианских обществ Европы и России, которые превращались в одну семью, нуждающуюся в управлении отеческим патриархальным способом. Благодать Христова, поощрявшая христианские народы жить в истине и любви, признавалась действенным способом укрепления пошатнувшихся монархических оснований государств Священного союза и источником формирования их новых твердых политических начал. См. об этом: Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. – СПб., 1905. – Т. 2. – С. 234, 229–248.

Риторика Акта Священного союза стала пронизывать документы российского правительства, а принципы существования этого политического союза, проявлявшиеся в лицемерном прикрытии за ширмой христианского благочестия его истинной сущности, превратились в правила осуществления государственной политики в Российской империи, в том числе и проведения преобразований в сфере народного просвещения.

4. Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 232; История России XIX – начала XX в. / под ред. В. А. Федорова. – 3-е изд. – М., 2002. – С. 63, 64, 67.

5. Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 223, 224.

6. Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1993. – С. 666.

7. Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 232.

8. Там же.

9. Там же. – С. 225.

10. В таком качестве Министерство народного просвещения просуществовало до 1824 г. См.: Высшее образование в России. – С. 76.

По своей направленности новое министерство было настолько близко к полицейским функциям, что на время отсутствия его главы, А. Н. Голицына, руководство делами возлагалось на министра внутренних дел О. П. Козодавлева // Бахракова М. С., Павлова Г. Е. Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 336.

11. История Московского университета. – С. 97.

12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1864. – Т. 1. – С. 321, 322.

13. Там же.

14. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 110, 112.

15. Господарик Ю. П. Во главе «министерства заштатного»: Князь Александр Николаевич Голицын // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 1 / под ред. В. М. Филиппова и др. – М., 2002. – С. 88.

16. Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 242–245.

17. Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1889. – С. 225–227.

18. Там же.

19. Там же. – С. 164.

20. Из «Инструкции директору Казанского университета, Высочайше утвержденной 17 января 1820 г. // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Выпуск I. Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 46. – отдел III, § 1.

Далее в скобках ссылки сделаны на это же издание.

21. Из «Инструкции директору...» – С. 48, 50.

22. Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 270.

23. Господарик Ю. П. Указ. соч. – С. 96.

24. Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 269, 273.

25. Милоков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). – 4-е изд. – СПб., 1905. – С. 337.

26. Милоков П. Указ. соч. – С. 337.

27. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 110.

28. Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 277–279; Сперанский Н. Из прошлого русских университетов // Сперанский Н. Кризис русской школы. – М., 1914. – С. 17.

29. История Московского университета. – С. 99.

30. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 186.

31. Рождественский С. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века // ЖМРП. Новая серия. – Часть IX. – СПб., 1907. – Май. – С. 107.

32. Там же. – С. 99–103. Изменение отношения к вольнослушателям, низведенным «на степень лишь терпимого социального элемента», по сообщению С. Рождественского, произошло только в 1827 г. при министре А. С. Шишкове.

33. Этот вывод противоречит мнению М. В. Богуславского, утверждавшего, что первая консервативная контрреформа системы образования была проведена «в конце 20-х – в 50-е годы» XIX в. См.: Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. – 2006. – № 3. – С. 7.

34. Сперанский Н. Указ. соч. – С. 24, 25.